

Наталья ВЕСЕЛОВА

Родилась в 1967 году в Ленинграде. Окончила филологический факультет ЛГУ. Шеф-редактор литературного журнала «Золотое слово».

Автор 18 книг (повести, романы), публикаций в периодике (рассказы, очерки, эссе). в журналах, альманахах и сборниках научных трудов: «Нижний Новгород», «Южная звезда», «Земляки», «Царицын», «Север», «Изыяны логики», «Писатель XXI век», «Макарьевские чтения», «Невский проспект», «Витражи» (Австралия), «Приокские зори» и других. Лауреат второй степени литературной премии «Гордость Державы Российской» за повесть «Одиннадцатый час» (2008). Обладатель Гран-при в номинации «Современная русская проза» всероссийского конкурса «Лермонтовские сезоны» (2021). Второе место на конкурсе «Книготерапия» издательской платформы Литрес в номинации «Малая проза». (2023).

Живет в Санкт-Петербурге.

ДОГНАТЬ ЛУНУ

Рождественский рассказ

*Я давно уж не приемлю чуда,
Но как сладко слышать – чудо есть!*

М. Волошин

Это была ошибка. За ёлкой следовало ехать куда угодно, только не в этот посёлок, где прошлым летом вы снимали большую жёлтую дачу с кружевной верандой. Ты, Ася, всегда считала себя настолько умной, что давно уже могла быть за это наказана. Срок пришёл, и ты именно сегодня совершила фантастическую глупость: когда в опаловых утренних сумерках гнала по полусонной загородной трассе, то и не подумала представить, что случится, когда ты бросишь машину у начала песчаной дорожки, ведущей к древней одноколёйке, и ступишь на первую же утонувшую в сорняках бурую от старости шпалу. Призраки немедленно обступят тебя со всех сторон – вот что случится. Особые, страшней которых ничего нет: призраки погибшего счастья. Никаких других ты никогда уже не испугаешься – все остальные просто смешны теперь для тебя. Из того кустарника справа, картаво лепеча, вылезет Липочка, с упругим подосиновиком в цепких пальчиках. Впереди, метрах в двадцати, Липочка начнёт старательно перескакивать со шпалы на шпалу на одной ножке, изо всех сил держа на весу другую. Слева, в кустах орешника, густо усыпанного коричневыми шариками фундука, раздастся Липочкин восторженный вой и мелькнёт её же лазурная футболка. Даже неуместная дневная луна, похожая на остывший чебурек, – и та немедленно вызовет к жизни Липочкину изумлённую мордашку с глазами-черешнями и, что ещё ужасней, её же характерный, с басовитым придыханием голосок: «Ма-ама, почему это луна – днём, а-а-а?!»

Возвращаться обратно, прыгать в машину и искать другое место с юными ёлками – ещё глупее, чем шагать сейчас по однопутной, где до участка вырубki, много лет назад засаженного крошечными хвойными деревцами, осталось не более полукилометра – пусть и твоей личной Виа Долароза*. Думать, Ася, раньше надо было – а теперь только идти с запёкшимся сердцем навстречу прозрачной, тающей с каждой секундой луне. И ведь ясно, что ввек её не изловишь, – вот и очередной Липочкин двойник с хрустальным хохотом вприпрыжку пустился вдогонку – а все равно невольно ускоряешь ход. Как неудобно шагать: на каждую шпалу наступать – почти семенить, а через одну – Голиафова поступь какая-то... А призрак луны беззаботно пятится по лавандовому небу – как тогда, когда подосиновик... и тогда, когда орешник... и тогда, когда на одной ножке...

Нет, это невозможно, наконец, так и спятить недолго. Ася, возьми себя в руки. Себя, а не топор – его ещё рано. И, кстати, как им пользуются? Ты же сроду и кустика не срубила. Вот-вот, об этом и думай: возьмёшь двумя руками, размахнёшься наискосок, ствол у ёлки-семи-летки пока не очень толстый, должно получиться, лишь бы не по своей ноге... «Деда Лёша, а ты себе палец не отрубишь?» – это ещё откуда? Ну да, конечно, Липочка прошлым летом стоит и смотрит, как хозяин дачи колет дрова... Она уже была больна тогда, но никому и в голову... Ася, не надо так выть – ещё услышит кто-нибудь и прибежит спасать... или убивать – но это пусть... Не надо, слышишь... Не на-а-а-а... А-а-а-а-а! Ну, повои, повои, может, легче станет... Не станет.

«Это, собственно, даже ремиссией в полной мере назвать нельзя. До рецидива прошло чуть больше месяца – вы и сами должны понимать. Мы тут уже привыкли, что родители наших больных теперь быстро грамотные стали, чуть ли не протоколы лечения лейкозов нам диктуют... Прогноз, прогноз... Все хотят прогноз. А здесь вам, мамочка, не Гидрометцентр. Мы делаем всё, что можем, – и даже больше, но медицина, собственно, является медициной, а не шарлатанством, чуть больше века. Ну, может, полтора. И это для неё едва-едва подростковый возраст. Лет через пятьдесят, а то и раньше, детский острый миело-бластный лейкоз будет, конечно, излечиваться почти всегда – всё к тому идёт... Но это ещё не теперь. Не теперь. Сейчас – только в половине случаев. Или даже меньше. И вы не в ней. Не в этой половине. В смысле, ваша дочка Евлампия... Так бывает, и часто. Просто попытайтесь понять», – примерно так он сказал, их лечащий гематоонколог.

Но ты не хочешь пытаться. Поэтому и приехала в старый, проши-тый забытой однопутной лес за рождественской – в твоём случае она точно не новогодняя! – мохнатой ёлкой, зелёной, как малахит в твоих серьгах, подаренных мамой, когда родилась на свет её внучка Евлампия. Эта мама сразу придумала называть малышку Липочкой – и, в общем, правильно, иначе получалась Лампочка – не дай Бог, в школе так дразнить будут... И не даст. Потому что она никогда не пойдёт в школу. Нет, нет, лучше про ёлку... Дома молодая бабушка уже сняла с антресолей коробку с игрушками и сидит в детской у Липочкиной постели, пытаясь заставить её поесть хотя бы мороженого – практически единственного съестного, на которое иногда удаётся уговорить ребёнка между двумя больничными эпопеями – минувшей и неминуемой. Ба-

* *Виа Долароза* — улица в Старом городе Иерусалима длиной около 650 метров, по которой, согласно христианской традиции, пролегал путь Иисуса Христа к месту распятия.

бушка сама стала как дитя последнее время: она уговаривает внучку на каждую ложечку, но слухом вся устремлена в прихожую, откуда иногда доносятся мирные звуки лифта – лёгкий гуд, постукивание и пощёлкивание. Эту незатейливую мелодию она давно выучила наизусть, и знает, на каком щелчке та должна затихнуть, если лифт остановится на их седьмом небе – в смысле, этаже, конечно. Каждый раз она надеется, что это едешь ты, Ася, и везёшь им чудо – настоящую, живую ёлку. Хотя почему живую? Только что погубленную.

Ведь ты сама недавно неумело и садистски срубилась её в утреннем жарком августовском лесу.

* * *

Асина мама оказалась в каком-то смысле виноватой в том, что к врачу обратились только поздней промозглой осенью, когда серьёзность Липочкиного недомогания стала настолько очевидной, что уже невозможно было списывать её на детские капризы и усталость после десяти мучительных часов в детсадовской группе. (Те, кто считает, что в идиллическом «садики» их розовощёкие детки отдыхают, играют и развиваются, – просто утратили всякую связь с реальностью.)

«Ну что ты делаешь из Липочки какого-то хроника! Устала девочка – а как ты думала? Вот и капризничает. У нас с тобой рабочий день по восемь часов – и то к вечеру еле-еле ноги волочим, а ей всего пять лет, и она торчит в садике с полдевятого до шести!»

«И в чем трагедия? Ножки болят? Так это она растёт! Кости вытягиваются – вот и больно. У тебя тоже так было, и у меня!»

«Откуда столько синяков? Так ведь дети резвятся, прыгают, лазают – и ушибаются конечно, а как без этого?»

«Бледненькая? А чего ты хочешь от петербургского ребёнка? Климат-то у нас какой!»

«Тридцать семь и две – что это за температура? Просто носом хлюпает опять, разведи ей аскорбинку...»

А работы было действительно много – у обеих. Особенно после внезапной смерти совершенно здорового богатыря и спортсмена папы и предательского, хорошо подготовленного бегства Асиного интеллигентного супруга. Мама много лет вдохновенно преподавала на филфаке в педагогическом, Асе посчастливилось устроиться по специальности – графическим дизайнером в престижную и продвинутую, но варварски жестокую фирму, где безжалостно штрафовали не за минуты, а за секунды опоздания, при этом и не думая оплачивать часовые переработки. И закономерно радовало измотанных женщин, тридцати- и пятидесятилетнюю, что в выходные дочурка-внучка вдруг перестала со шкодливым смехом врываться к каменному спящей маме или бабушке в комнату в половине седьмого утра, с размаху плюхаясь беззащитной жертве на сонный живот, а оставалась до полудня в постели, вяло щелкая пультом телевизора.

Никто и шальной мысли не допускал, что это были первые звоночки – которые они проспали, прохандрили, проработали – просто от них отмахнулись... Когда ещё можно было помочь. Вывести в стойкую ремиссию. На годы. А потом – медицина выйдет из подросткового возраста...

Того самого, в который никогда не войдёт девочка Липочка. Потому что её маме и бабушке хотелось спать, а не думать о новом горе, уже крадущемся на тонких плюшевых ногах.

В поликлинику отправились только после того, как Евлампия стала отказываться от всякой еды, даже той, что раньше считалась наградой за хорошее – идеальное! – поведение: не вызывало энтузиазма ни сочное пирожное «картошка» с тремя белыми кремовыми шипами на спинке, ни страстно любимый домашний малосольный огурчик, ни знаменитые бабулины фрикадельки под сливочным соусом, ещё недавно исчезающие с тарелки до того, как бабушка успевала умильно спросить: «Нравится?» Первые анализы сдавали беззаботно, в полной уверенности, что, по тёмному времени, всего лишь не хватает каких-нибудь хитрых чудодейственных витаминчиков, которые и придётся месяц-другой «пропить» для поднятия общего иммунитета... После получения результатов Липу с онемевшей от неожиданности бабушкой, не пытавшейся даже переспросить что-нибудь дельное, сразу же направили на консультацию в детский онкологический центр, где, осмотрев, предложили экстренную госпитализацию на обследование, так что удалось вымолить только день на сборы и осмысление...

Совсем скоро у взрослых наступила знаменитая стадия отрицания: ну не может же быть – здоровый ребёнок – и такой диагноз – рак крови – какая чепуха – что они тут намудрили – перестраховываются, а мы страдаем!

И эта стадия так никогда и не кончилась по-настоящему, хотя где-то на задворках существования одна за другой, бледными и прозрачными, как сегодняшняя дневная луна, теньями проходили и другие, раз навсегда положенные – гнев, торг, депрессия и даже принятие... Впрочем, о каком принятии может идти речь, когда сегодня, поздним утром седьмого августа, Ася отвязывает от верхнего багажника замотанную в огромный чёрный мусорный пакет браконьерски срубленную в лесу рождественскую ёлку!

* * *

Мы та самая странная семья, которая не отметит Новый год. Ну, почти – потому что салат из крабовых палочек, заправленным постным майонезом и запиваемый подаренным студентами шампанским, с последующим быстрым засыпанием на диване (моим) и в дедовском кресле (Асиным) – неприлично называть новогодним праздником. Мы празднуем Рождество – так повелось ещё в смутных девяностых, когда, с подачи суровой воцерковленной подруги, я носила унылый платок и длинную юбку даже дома, а хнычущую малышку Асю волокла в обжитую окраинную церковь на метро и автобусе – вечером в субботу и наутро в воскресенье, ничтоже сумняшися лишая её обоих выходных дней разом. Похожая на крошечную старушку-карлицу в специальном церковном наряде – тёмном платье до щиколоток и белой косынке – она смиренно выстаивала длинные службы от начала до конца, ничего не понимая ни в них, ни в причинах такого мучительства с моей стороны. Ася не просила шоколадных батончиков и жареных сосисок во время бесконечных постов, обречённо ела жидкий гороховый суп и капустную котлету за скучным обедом – и я лишь отдалённо могу теперь представить, как она, лишённая по малолетству права на законный бунт, всё это ненавидела. Несчастных, ныне выросших и не покинувших Христову Церковь детей, чьи родители с неразумным усердием пытались с головой «воцерковиться» в те безумные годы, теперь с доброй иронией называют не иначе как выжившими жертвами. Ася как раз из таких – и не моя,

конечно, заслуга в том, что она не атеистка сейчас: верно, очень уж крепкая и любящая рука невидимо вела нас обоих тогда сквозь тьму...

В наши дни тех, кто празднует Новый год, как будто перестали в церквях обзывать язычниками и не допускать к причастию – но мы с Асей и сами отвыкли от этого вменённого всем в любовь праздника, и Липочку не приучили. Вот уже два сознательных года из своих пяти с половиной она уверена, что слащавый утренник на Новый год с ужасным, грохочущим блестящей палкой краснорожим дядькой, у которого борода на верёвочках и длинная синяя шуба – сомнительная забава, существующая лишь для и без того нелюбимого детского сада, а настоящий добрый праздник – это именно рождественская ёлка с подарками для малышей – как в нашем уютном «домашнем» храме. И так, думает она, устроено везде и для всех.

Поэтому ничего удивительного, что позавчера вечером, когда мы с Асей, как всегда, прощались с внученькой на ночь – уже после прочтения традиционной сказки и двух одна за другой пропетых песенок (первая совсем глупая, зато вторая – про дедушку-голубчика*) – Липочка вдруг спросила:

– Мам, баб, а скоро Рождество?

Я уже раскрыла рот, чтобы ответить, что нет, не скоро: дескать, должно, милая, закончиться лето, начаться и тоже закончиться осень, а из трёх зимних месяцев следует пройти одному целиком и ещё неделе от другого (в сердце горячо толкнулась кровь при мысли о неминуемой больнице в ближайшее время, чёрном ужасе очередной «химии», которая надвигалась на нас, как цунами на обречённый прибрежный город) – но Ася вдруг опередила меня, выпалив скороговоркой:

– Послезавтра! Послезавтра уже! Готовься загадывать желание – только смотри, чтобы оно было самое-самое важное, – и проигнорировала мой ошеломлено укоряющий взгляд.

В коридоре я все же не сдержалась:

– Зачем ты соврала ей?! Только разбередила ребёнка... Она ведь не забудет теперь! Будет ждать, а ты...

– Я никогда не вру, – отчеканила моя непредсказуемая дочь. – Послезавтра у нас действительно Рождество. Я так решила. И ты понимаешь, почему. Не лги – прекрасно понимаешь. Начинаются выходные – и прекрасно. Завтра я наизнанку вывернусь – но привезу лучшую в лесу ёлку, а ты сделаешь то же самое – но добудешь самые классные подарки и купишь столько разного мороженого, сколько сможешь унести за один раз.

Я кивнула. В конце концов я не зря преподаю русскую литературу – в своём Золотом и немножко в Серебряном веке она описала великое множество красивых и добрых чудес – то рождественских, то пасхальных. Но то литература. И имелось в виду настоящее Рождество. А моя дочь, похоже, дерзнула создать своё собственное... Как бы не быть всем нам за это наказанными...

И она в самом деле утром торжественно вволокла в прихожую монструозную двухметровую ёлку в мешке – не срубленную, а будто выломанную откуда-то: торчащий конец ствола выглядел так, будто его грызли зубами.

– Никудышный дровосек из меня получился, – вздохнула Ася, в изнеможении падая в кресло. – Не сладила я с топором. Рубила, рубила...

* А. Плещеев, баллада «Старик».

И всё как-то вкривь и вкось... А она стоит себе, как стояла. Тогда я озверела, мама... Кинулась на неё, как на врага, и стала крутить, трясти, раскачивать... Снова топором её колотила... Вот посмотри, какие руки стали... – она вытянула их – голубоватые и тощенькие – ладонями вверх, и я заметила многочисленные царапины – короткие и длинные, мелкие и глубокие. – Рублю и ору, рублю и ору... Вот так: ы-ы-ы... Но наконец она повалилась. Кажется, даже с каким-то стоном...

«У меня несчастная дочь, – подумала я в ту минуту. – И я ровно ничего не могу сделать, чтобы это исправить». Я могла только сесть рядом с ней в то же безразмерное кресло, потеснив Асю, заправить ей за ухо жёсткую русую прядку и припасть головой к её напряжённому пульсирующему виску; и так мы сидели – мокрая щека к мокрой щеке, глядя в сияющее окно.

– Я все-таки догнала её, – без улыбки сказала Ася. – Смотри, на окно положила... – и добавила, поколебавшись: – Ну, или она меня... настигла.

Я изумлённо проследила за её взглядом и внезапно поняла, о чём идёт речь: прямо на раме распахнутой форточки лежало – сначала мне показалось, что облако, но нет – то была просвечивающая, как апельсиновая долька на свету, тень ущербной дневной луны.

– Нормальный рождественский месяц, – уверенно сказала я и погладила свою умницу-дочь по голове.

* * *

После обеда мать и дочь дружно притащили из необитаемой песочницы ведро с песком, налили туда воды и выкатили из-под дивана обшарпанные папины гантели. Потом они высвободили ёлочку из полиэтиленового плена и вдвоём аккуратно ввинтили огрызок ствола глубоко в мокрый песок, укрепив, сколь возможно, гантелями. Для того, чтобы превратить старое жестяное ведро в волшебный рождественский сугроб, пожертвовали шёлковый белый палантин с серебряным люрексом – и получилось, будто луна уже взошла и осыпала звёздной крошкой нетронутые снега.

Ель наряжали споро и тщательно, как невесту для венчания, – по одной вынимая хрупкие игрушки из старой пожелтевшей ваты, вынув – тотчас узнавая «в лицо» и ревниво выискивая каждой заслуженное место:

– Нет, серебряный шар с синицами вешаем на виду! Тебе было три годика, и я наряжала для тебя первую «осознанную» ёлку. А шар в тот год купила только один, на последние гроши, потому что зарплату ни мне, ни папе тогда не платили, и даже, чтобы облезлую ёлку купить, мы заложили обручальные кольца! Но уж больно синицы мне показались хороши – смотри, какие у них жёлтенькие грудки, синие с белым шапочки...

– Мама, а вот этот я помню – голубой, с черными веточками и шишками! Как тонко нарисованы! И на шишечка снег блестящий... Мне уже было не три, а четыре, и мы вместе пошли в универмаг за игрушками... Продавщица ещё попалась такая смешная и ласковая... Там в наборе было шесть разных шаров, а уцелел только этот почему-то... Давай его рядом с твоим повесим.

– Надо же, юла полосатая... Должна быть ещё Голова из «Руслана и Людмилы»... Точно... И уродливая блестящая плюшка с красной

звездой... И лимончики прозрачные... Ага, вот они... Это все мы покупали уже с *моей* мамой, а твоей бабушкой в Гостином дворе на Садовой линии... Сейчас скажу – да, перед семьдесят девятым годом... Мне только четыре исполнилось, и я, помню, умолила маму купить страшенького Деда Мороза из папье-маше. А на Снегурочку у неё денег не хватило...

– Дай мне гирлянду, я на табуретку влезу... И знаешь, мы всё-таки эти старинные флажки тоже повесим – помнишь, Липочка их с таким интересом зимой разглядывала – и картинки какие чудные, мне самой нравятся...

– Залезай, я подам снизу... Не забудь про сосульки – их наверх туда, к звезде! Эту Вифлеемскую мне наш священник подарил лет двадцать назад, с восьмью лучами – а пятиконечную велел выбросить... Кстати, насчёт зимы – может, шторы не задёргивать? Когда Липочка проснётся, как раз стемнеет уже, и по небу вообще непонятно будет, зима или лето. Получится настоящая рождественская ночь...

– Мама! Домофон, слышишь?

– Не спускайся, а то грохнешься ещё... Я сама отвечу.

А это пришла патронажная медсестра из районной поликлиники – вечная, та, что, уже и тогда не юная, ходила проверять ещё грудную Асю – бог весть зачем, потому что, приходя, не делала ровно ничего. Тем более бесполезна была она и теперь, когда со шприцами и капельницами Ася и мама давно уж вынужденно наловчились управляться сами. Вероятно, деликатно проверяла, не случилась ли ожидаемая убыль на их участке, пока ребёнка не перевели в стационар, с которого, в случае *чего*, и спрос... За всё это руки чесались её убить. Дама уверенно шагнула из крошечной прихожей в коридор, привычно целясь на закрытую дверь детской, кинула по пути рассеянный взгляд в гостиную... Увидела Асю на табуретке, недонаряженную ёлку...

Её сознание перевернулось. Мимика всех этапов осмысления последовательно прошла перед глазами хозяек дома: отпавшая челюсть, недоверчивый взгляд в окно («Отсюда видно только небо – вроде летнее, но можно и ошибиться...») – отчаянный – на собственный подол и ноги («Нет, босоножки и юбка в цветочек, точно, лето...») – исполненный тяжкого раздумья – на ёлку и коробку с игрушками («Они точно её наряжают...») – беглый испуганный – с матери на дочь и обратно («Вроде нормально обе выглядят...») – растерянный – внутрь («Может, это всё-таки со мной что-то не то?»)... Так и не придя ни к какому заключению, она, наконец сдалась и робко спросила:

– А... это вот...? – и описала дрогнувшей рукой неуверенный полукруг.

– Ёлку украшаем, – с жестокой честностью мстительно отозвалась Ася сверху.

Медсестра обречённо попятилась к двери, не отрывая глаз от очередной непостижимой картины человеческого бытия. А бабушка осела на стул около двери, закрыла лицо руками и беспомощно заплакала.

* * *

– Липочка! Подъём! Заспалась ты сегодня, девочка, так и всё Рождество проспичь! – это Ася говорит, идеально счастливым голосом.

На ней ярко-синяя атласная блузка и светло-серая юбка в складочку.

– Сейчас мы с тобой умоемся, расчешем наши весёлые... кудряшки, наденем любимое золотое платьице – и будешь ты принцесса! –

несколько фальшиво, но тоже почти правдоподобно вторит ей бабушка, невольно запинаясь на невинном слове «кудряшки»: она-то знает, что они неожиданно прорезались на внучкиной голове после последнего курса химиотерапии, вместо облетевших собственных шёлково-гладких волос, распушились, набрали силу, порадовали всех – и скоро снова выпадут, потому что рецидив лечат химией ещё более агрессивной... – «Я подумаю об этом завтра», – мужественно произносит она про себя.

На Липочкином лице проступает вымученная радость: Рождество – это ведь надо спеть колядку – как там... *Колокольчик наш звенит, Добрым людям говорит, Мы пришли колядовать, С Рождеством вас поздравлять...* И ещё стишок прочитать про Младенца-Христа. Тогда дадут подарок и шоколадные конфеты. В прошлом году она на утреннике в церкви выступила лучше всех детей... И матушка Фотиния подарила ей зелёную пушистую утку размером с собаку. Липочка её на даче летом забыла. Но сейчас ни петь, ни читать не хочется: усталость навалилась, глухая и неподъёмная, как тяжёлое ватное одеяло. Только проснулась – и уже устала... Хотя конфету бы съела одну... Наверное... Нет, и конфету не хочется. Ничего не хочется. Даже подарка. А мамини и бабушкины любимые руки уже ласково теребят её со всех сторон...

Но, когда девочку, одетую в пышное бальное платье, наскоро заколотое в боках английским булавками, торжественно ввозят на кресле в большую комнату, усталость все-таки ненадолго отступает в сиянии ослепительного чуда: огромная – под потолок! – ёлка переливается, подмигивает синим, фиолетовым и жёлтым (у красных лампочек где-то переломился проводок, и поэтому они не горят, но без них даже лучше, необыкновенней).

– Крыся... – не веря своему счастью, шепчет Липочка. – Дед Мороз меня послушался!

Это бабушка вечером выбегала из дома в недалёкий торговый комплекс, где в детском магазине ей впервые улыбнулась неслыханная удача в виде крупной серой меховой крысы, добротной пошитой, с серебряным бархатным хвостом, чутким длинным носом с кожаной пупочкой в виде сердечка, лукавыми чёрными глазами, таящими в глубине опасный зелёный огонёк, с мягкими розовыми подушечками лап и острыми пластмассовыми коготками. Она сидит под елью, опираясь спинкой на блистающий рукотворный сугроб, и действительно может считаться частью большого рождественского чуда, потому что до этого дня игрушечные фабрики всего мира почему-то считали, что маленькие девочки обязаны не трогательно любить серых вредных и опасных грызунов, а истошно визжать, заметив вдали мелькнувший хвост... И объяснить кому-то, что у них дома живёт девочка-исключение, не представлялось возможным.

Ну что ж. Сегодня вообще исключительная ночь. Рождественская.

– Не седой Дед Мороз, а Младенец-Христос... – с ласковой наставительностью и робкой надеждой начинает бабушка. – Помнишь, как дальше?..

– ...Нам на ёлке душистой зажигает огни и улыбкой лучистой освещает все дни, – вдруг бойко, как по писаному отзывается Евлампия, прижимая к себе нового мягкого дружка. – Я буду кормить её сыром с дырками... Вот таким, – и её худенький указательный пальчик направляется в сторону незашторенного окна.

Мама и бабушка синхронно поворачивают головы: луна, оказывается, давно переехала в другое окошко, на боковую стену, в самую крайнюю

слева створку, и спокойно нежится в темноте на соседней крыше, похожая со всеми своими кратерами на щедрый ломоть рокфора.

– Это – Крысе! – безапелляционно заявляет Липочка. – А мне – сосиски. Бабушка, можно мне сосиски с пюре и малосольным огурчиком?

Ася всплёскивает руками.

Её мать прижимает голову внучки к своему тёплому под нарядным платьем животу.

– Конечно, можно... – шепчет она. – Всё можно. Понимаешь, сегодня такая ночь...

* * *

Когда я пришёл сюда работать, то думал, что это на время: побуду на людях, пока рана не затянется. Совсем не заживёт, это понятно – но хоть меньше болеть станет. А теперь словно бы и жаль уходить: когда смотришь на всех этих деток и знаешь, что у них рак... И особенно на их мамочек... Тогда сразу становится понятно, что не я самый несчастный человек на свете. Да, я, может, единственный здоровый мужчина в мире, который за всю жизнь любил только одну женщину – с детского сада до смерти. До её. Моя вроде тоже на подходе, но даже если б она была далеко, я бы все равно сказал: и до моей тоже. Никакая другая жена мне никогда не нужна была и не будет. Кроме Сони. Но ведь мы счастливо прожили со дня нашей свадьбы целых 53 года – это ведь не кот наплакал! И ни разу не поссорились – ну, разве ворчали иногда из-за пустяков, и то как-то не всерьёз. Двоих детей вырастили – здоровых. Образование дали обоим, и сыну, и дочке: он по компьютерной части пошёл, она – в младших классах учительница и сама уже бабушка. Дом – полная чаша, я всю жизнь мастером цеха проишачил, жена – в бухгалтерии в том же корпусе. Жили и радовались, последние тридцать лет и в храм Божий ходить не забывали. Так и в тот день, навеки памятный: со службы пришли, чайку попили... Жена прибралась на кухне, чистые узорчатые чашки на полке расставила, я за газету взялся – бесплатную, специально для пенсионеров, её нам раз в месяц в ящик кидают. А Сонечка и говорит: «Полежу я, Миша, пожалуй. Не по себе мне что-то: погода, видно, меняется». Легла, заснула – и не проснулась.

Я думал, хуже ничего в жизни быть не может. Другие мужики запивают с горя, а мой организм даже в молодости много спиртного не принимал, меня за это даже «чукчей» на заводе дразнили – мол, ну, ты и даёшь, Миха, чуть ли не от кваса бухой ходишь. Оставшись один в квартире, я волком выл – видели мы с Соней и детьми одного такого несчастного в зоосаде – и на стены кидался. Сын, спасибо ему, надумил: найди, говорит, папа, работу какую-нибудь лёгкую, понятно, не в цеху, но у тебя же руки золотые, такого, как ты, куда хочешь, возьмут – и легче станет: всё ж люди кругом, не так одиноко. Вот и оказался здесь. В трудовую записали уборщиком, но сразу сказали, что убирают тут приезжие женщины – молчаливые такие и забытые (видел я их, помочь даже хотел – они только смотрят затравленно и знай себе тряпкой по полу возят), а меня берут «на все руки мастером» – по штату такой не положен, а нужен, как и везде, позарез. Когда оформляли, сразу-то и не смекнул, куда судьба забросила: думал, просто детская больница, а оказалось здесь детей от рака лечат. Ну, как лечат: от самого лечения помереть можно запросто. И как увидел я их, детишек этих в ярких пижамках на цветастом постельном белье, головастых и лысеньких,

с огромными страшными глазами, что твои инопланетяне... А пуще – матерей их, молодых – а словно пеплом присыпанных, – так и понял, что Бога гневлю своей мордой страдальческой. Соня моя и в жизни счастлива была, и умерла легко и светло, исповедовавшись и причастившись, а здесь... Сколько раз видел я те каталки, что из реанимации вывозят, простыней накрытые... В цветочек.

А сегодня новую мебель – стеллажи там всякие – главврачу в кабинет завезли. В разобранном виде, естественно. Тот сразу ко мне: выручай, Михалыч, соединить надо это все как-нибудь вместе, а кому, кроме тебя, разобраться. Я ему – дескать, в лучшем виде сделаю, Василич, не волнуйся; я тут потихоньку возиться буду, ты своими делами занимайся, а на меня внимания не обращай. Так и поступили: он там мечется чего-то, звонит кому-то, бумаги шерстит какие-то – а мне что? Моё дело маленькое. Никого не трогаю, примус починяю – это поговорка такая есть – и откуда взялась такая странная... А потом зашли в кабинет, кроме главного – сразу пятеро: наш очкарик-начмед новенький, зав какого-то отделения – боров в шапочке – и две женщины – молодая и постарше, с девчужкой лет шести, шустренькой такой. Взрослые вокруг стола расселись, стали документы какие-то изучать, снимки, справки медицинские... Серьёзные такие, а девочке скучно, она давай вокруг меня крутиться – то ей покажи, это дай потрогать... «Дедушка, – говорит, – а можно я тебе буду эти блестящие штуки подавать? А ты их прикручивай». Эта она про фурнитуру... И стали мы вместе над стеллажом трудиться – да споро так работа у нас пошла: не приходилось мне туда-сюда скакать, все она своими маленькими ручками вовремя протягивала. И щебечет – смешная! Зовут Липочкой – это что ж, она Олимпиада, выходит, как моя бабушка, Царствие ей Небесное? И тут сжалось у меня сердце: «А ведь у неё тоже, наверное, рак! – подумалось с болью. – Иначе зачем бы её сюда привели?» Вроде бы, какое моё дело – а стал я прислушиваться, о чем её мать и бабка с медиками толкуют. Очень захотелось услышать, что какой-нибудь страшный диагноз не подтверждается.

Слушаю, слушаю – и стало вдруг сердце все громче и громче стучать, а потом и вовсе зашлось, потому что понял вдруг – как огнём плеснуло: да я ведь чуду свидетель! Вот так просто, на полу сидя, над деревяшками и железками колдуя...

Из того, что они меж собой говорили, понял я, что девочка эта – Липочка – была совсем безнадежная: и рак крови какой-то редкий, плохо поддающийся лекарствам, да ещё и внутри самой болезни такой подвид, который вообще почти не лечится. Рецидив у неё случился после первого лечения, и так вроде быстро, что никто не чаял, что девчонка и до весны доживёт. Она уж слегла совсем, есть-пить перестала, её на днях должны были опять к нам сюда на химию класть – по всему, она её уж не перенесла бы... Но только вдруг недели три назад случился в её болезни внезапный перелом – в обратную сторону. Она и кушать начала хорошо, и румянец заиграл, вставать стала, гулять даже с мамой пошла. Но в наш центр её всё равно положили, конечно, – проверять, что да как. Проверяли-перепроверяли – здорова! Будто и не болела! Не то что рецидива нет, но и даже следов той болезни не обнаружили. Как и не было ничего. Здоровый ребёнок, через год в школу пойдёт... Врачи только головами качали и руками разводили – особенно начмед упирался: мол, пропустили мы что-то, недосмотрели, потому что не бывает такого на свете, хоть на голову встань и ногами потряси.

А завотделением, жирнюк злобный, руками машет и каркает, чисто ворона на крыше: вот увидите – это кратковременное улучшение, скоро все вернётся с новой силой, и уж не остановить будет; мы тут, знаете, хороводы вокруг ёлки не водим, в чудеса не верим!

«А ведь именно с ёлки всё и началось, – тихо сказала тогда Липочкина мама, красивая такая женщина, сама темноволосая, а глаза – голубые. – Мы для Липы в начале августа взяли и ёлку нарядили. С подарками. Сказали, что Рождество пришло, рождественская ночь наступает. Она поверила и обрадовалась. А потом кушать попросила... И с тех пор... с тех пор...» – её голос сорвался, на глазах выступили слезы. Но тут бабушка вмешалась и сама рассказывать принялась – как её внучка захотела, чтоб было Рождество, и дочь за той ёлкой в лес ездила, да как то ли срубила её, то ли выломала, да как украшали потом, и Липочку среди ночи в какое-то особое платье нарядили... И как ей сразу сосисок захотелось – и чтоб с огурчиком... Звучало сказкой. Но я точно знал, что всё так и было. Не верил – знал. И что болезнь не вернётся – тоже. Сердце твёрдо сказало.

Чем кончилось? Домой отпустили женщин с девочкой. Велели пока раз в месяц приезжать и сдавать анализы. Липочка в дверях остановилась, ручонкой мне помахала – и мама её окликнула...

За столом остались трое мужиков в зелёных рубашках и штанах – форма здесь у врачей такая. Помолчали с минутку, и начмед скривился:

– Ай, да врут они все. Обращались куда-то, конечно. Просто говорить не хотят. Или запретили им. А жаль. Хотел бы я узнать, что дало такой результат. Понятно, что временный, но все же...

– Препарат они достали – запрещённый к ввозу в Россию – вот и вся загадка. Преступным путём. Какой именно – не знаю, варианты есть... Но это ж на месяц такой эффект – не больше. После второй дозы – на две недели хватит, а третья совсем не поможет. Только деньги выкинут зря. Конец-то все равно один, – припечатал толстый зав.

Но главный наш, большой издёрганный мужик, который Василич, сидел в раздумье, морщил лоб, за подбородок себя жестоко дёргал. Наконец, выдохнул:

– Нет. Слишком уж чисто все. Как новенькое... Это после химии! Никакое лечение бы так не сработало. Ни-как-ко-е. Но описаны же случаи самоисцеления... Организм молодой, мобилизовался, включил резервы... Не всё наука может объяснить... хм... пока, – он помедлил и забормотал себе под нос: – Нет, я понимаю, Рождество и всё такое... Чудеса в рождественскую ночь – это почти банальность... Но ведь когда у нас Рождество-то! В январе! А тут август... Не вяжется как-то с чудесами, а?.. Вот зима настанет, родится Христос, тогда...

Моё терпение лопнуло, я поднялся, стяхнув с коленей звонко посыпавшиеся гайки и саморезы. Все взрогнули, будто в окно влетела граната, и разом на меня посмотрели. Словно ждали чего-то. Я вздохнул, обвёл глазами этих троих премудрых мужчин среднего возраста, с высшим образованием и учёными степенями. Хотел было, как ветхозаветный пророк, возвестить истину с высоты своего почти двухметрового роста да громовым голосом – а сказал тихо и даже стеснительно:

– Чтобы чудеса происходили круглый год, хватит и того, что две тысячи лет назад Он уже родился...

Но они услышали. И не решились спорить.